

Лингвистика

УДК 81'42::161/162

О.Э. Сухарева, Л.Г. Васильев, М.Л. Васильева

РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИТУАЦИИ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Ситуацию речевого общения можно изучать на основе широкого спектра подходов. Одним из наиболее адекватных представляется подход связанный с анализом существа риторической ситуации. Риторическая ситуация описывается с мультидисциплинарных позиций – коммуникативистики, нарратологии, аргументологии, социолингвистики. Риторический дискурс рассматривается в битцеровой традиции и противопоставляется логическому, диалектическому и нарративному. Сам риторический подход дает возможность преодолеть акциональную недостаточность диалектического. Разбираются конститутивные параметры риторической ситуации.

Ключевые слова: аргумент, аудитория, диалектика, дискурс, нарративность, речевое общение, риторическая ситуация, способ рассуждения.

Изучение речевого межличностного общения по определению многофакторно. Можно говорить о субъектах общения и их производных (речевой личности, преимущественной диалогичности или монологичности, целях, стратегиях, тактиках и т. п.), о внесубъектных составляющих (антураже, условиях общения, физических параметрах реализации общения и т. д.). Описание межличностного общения поэтому видится принципиально неисчерпаемым – важно лишь выбрать ракурс. В настоящей статье мы остановимся на понятии риторической ситуации и некоторых его производных.

Понятие риторической ситуации может трактоваться в двух аспектах. Первый понимается как конкретная ситуация общения, в которой либо оратор обращается к слушателям (традиционный аспект, или коммуникативный подход – см.: [3]), либо слушатели вступают с ним в диалог (менее характерный для риторики интерактивный подход, восходящий к древнегреческой диалектике – ср. диалоги Платона). Второй аспект предусматривает глобальное понимание условий, в которых происходит или может происходить большинство актов риторического общения, и здесь уместно говорить о событийности и о риторической традиции. Понятно, что в реальных условиях данные аспекты составляют диалектическое единство, однако для исследовательских целей их разделение можно признать целесообразным. В настоящей статье мы остановимся преимущественно на втором аспекте.

В событийном плане риторику можно рассматривать как разновидность действия – оно подразумевает наличие действующего субъекта, реализующего акциональное событие как результат своего собственного выбора. В числе модусов действия, характерных для риторики и задающих концептуальные ее рамки можно выделить: социальность, ситуативность, знаковость, транзакциональность и стратегичность (в несколько иной терминологии, значении и порядке следования см.: [7. С. 8]).

Социальность заключается в том, что в риторическом общении задействованы конкретные люди со всем спектром социальных и культурных характеристик; участники общения вступают в кооперативные отношения уже тем, что создают взаимно совместимые интерпретации ситуаций, например, значимость тех или иных их компонентов выступает как социальный конструктор.

Ситуативность определяется хронотопом, адресностью, наличием групп лиц, объединенных общими интересами и т.д.

Знаковость предопределена наличием кода (обычно вербального), наличием и проявлением в знаке отношения субъектов к обсуждаемому предмету (ср. понятие «индивидуальное поле сигнификата» в [3. Гл. 1]).

Транзакциональность основана на принципе интерактивности, согласно которому стороны в коммуникации считаются имеющими равные права в общении. Сюда относится идея активности аудитории – у нее формируются верования и убеждения, она делает свои выводы и выражает их вербально или невербально. Идея транзакциональности подчеркивает меняющиеся состояния участников общения в результате восприятия сообщений и осмысления их.

Стратегичность задается тем, что действия партнеров по общению являются интенциональными, так что во внимание принимается то, что можно и чего нельзя делать для достижения целей в конкретных обстоятельствах. В соответствии с этим коммуниканты выстраивают конкретные цели и

оформляют свои сообщения так, чтобы они максимально соответствовали этим целям (ср. убеждение, информирование и др. виды риторической деятельности, имеющие разную целесообразность в разных условиях).

Ситуативность – если иметь в виду ее полноценное описание – должна проецироваться на определенную риторическую традицию как производную дискурсивной практики. Приведем в качестве примера, по образцу которого можно выстраивать анализ современных риторических ситуаций, характеристики истоков дискурсивной практики в том виде, в котором их можно возвести учениям в Древней Греции. При этом следует иметь в виду, что описываемая ниже риторическая традиция едва ли претерпела сколько-нибудь существенные изменения методологического порядка. Именно поэтому она представляется значимой для аргументативно-риторического анализа.

Дискурсивная практика в своем наиболее древнем виде может быть охарактеризована как нарративная. Она обрела существование во времена Гомера, когда население жило относительно раздробленно, в сельской местности, образуя сообщества, между которыми существовал товарный обмен. Потребность в общении (хотя бы ради выживания) требовало следование конвенциям – нормам и традициям (при этом первые во многом определялись последними). Конвенции закреплялись в (устных) преданиях и мифах, в которых описывалась борьба добра со злом, и путь к победе добра во многом знаменовал парадигмы и стратегии, которых следовало придерживаться в жизни.

Хотя исторически нормы имеют нарративную природу, они, тем не менее, не существуют в нарративной форме – они, скорее, имплицитно заложены в культуре. При этом экспликация норм должна производиться с учетом того, что сами нарративные комплексы обладают сюжетным строением. При этом нарративный комплекс по умолчанию задается в нормативном виде, т. е. должен отвечать ценностям и ожиданиям аудитории. Так, русская сказка, в которой добрый Иван-дурак будет посрамлен злым царем, скорее всего, будет отвергнута в рамках русской же культуры. Иначе говоря, нарративный дискурс в названном отношении призван служить передатчиком норм, но не противостоять им. Поэтому можно считать, что нарративный дискурс в его традиционном осмыслении в целом не обладает рефлексивной природой, поскольку не призван подвергаться анализу (а значит, и сомнению) мифологемы, лежащие в его основе. Это вполне естественно для феноменов, находящихся под влиянием культуры.

Способ рассуждения в нарративах основывался на том, что они представляли собой истории или эпизоды из жизни. Такие истории проецировались на реальную жизнь, и идея состояла в следовании хорошим примерам и неприятиии плохих.

Нарративному дискурсу противостоят логический, диалектический и риторический. Логический (берущий системное начало от Аристотеля в его «Аналитике»¹ и воплощенный в силлогистике, а также в иных логических учениях) связан с дедуктивным методом, понятием истинности и преимущественно с точными науками. В реальной коммуникативной практике логические методы практически не используются².

Диалектический подход восходит к Платону, согласно которому верования и мнения, которых придерживаются люди в данный момент, могут быть ложными, т.е. противоречить истине. Поиск последней осуществляется с помощью сократического вопросно-ответного метода. Это диалогическое общение, однако в традиции оно именуется *диалектическим* (не имея тем самым отношения к традиционной философской диалектике)³. В нем предлагаются возражения любым выдвигаемым сомнительным пропозициям до тех пор пока эти возражения не будут опровергнуты или пока исходная пропозиция не заменится иной, которая выдерживает проверку критикой.

Диалектический подход является аналитическим, и его сильная черта состоит в том, что при критическом исследовании посылок мы можем избежать ошибок в рассуждении и мнениях. Диалектиче-

¹ Справедливости ради стоит заметить, что системный подход был предложен помимо Аристотеля в логике Стои, откуда берет начало логика высказываний, оперирующая, в отличие от силлогистики, высказываниями в целом. Однако уровень разработанности этой логики в Древней Греции несопоставим с тем, что предложено у Аристотеля.

² Ср., однако (скорее, к сожалению, как исключение), подходы В.А. Бочарова [1], в котором утверждается применимость силлогистики к разным сферам жизни, и Л.Г. Васильева [2; 3; 9], в котором силлогистика используется как принципиальный аппарат проверки адекватности и точности аргументации в условиях анализа реципиентом научно-гуманитарного текста.

³ В настоящее время в зарубежной науке этот подход именуется критическим мышлением (*critical thinking*).

ский подход предполагает поиск истины на основе некоторых исходных посылок, однако реальный мир (или конкретная ситуация) не обязательно получает адекватное отражение в этих посылках. Скорее, данный подход выводит нас в семантику и прагматику *возможных миров*, в которых используемые посылки будут истинными. Помимо этого, ничем не гарантируется, что диалектика предложит уместные действия в соответствии со своим набором истин – дело в том, что в диалектике не принимаются во внимание мотивы субъектов. Даже если человек считает рассуждение и выводы по диалектическому методу убедительными, это еще не означает, что он будет действовать в соответствии с ними.

Способ рассуждения в диалектическом подходе – не изображение конкретных обстоятельств (как в нарративах), а получение абстрактных обобщений. В диалектике предусмотрено приведение в столкновение конфликтующих идей об основных принципах жизни и далее, призыв к реципиентам концептуализировать эти принципы, а материальное существование рассматривать как основывающееся на них. Такого рода принципы имеют в своей основе мнения, которых люди придерживаются всерьез и надолго. С помощью вопросно-ответной процедуры осуществляется попытка абстрактного исследования принципов, которые лежат в основе названных мнений.

Риторический подход дает возможность преодолеть акциональную недостаточность диалектического. Человеческое поведение основано не только на рациональном, но и на экспериенциальном, где задействованы ценности и эмоции. При столкновении с социальными проблемами зачастую невозможно найти вариант очевидного правильного способа действия. Это так называемые неопределенные ситуации, и для их разрешения все зависит от того, чего мы хотим достигнуть и что для нас приемлемо в ценностном, эмоциональном, этическом и интеллектуальном отношениях. Неопределенные ситуации нуждаются в прояснении, и это осуществляется, когда субъект принимает ту или иную точку зрения на перспективу, или способ разрешения неоднозначности/неопределенности. При возможной множественности таких перспектив в условиях диалога, необходимо учитывать общие для коммуникантов ценности и позиции, при этом важной становится их экспликация.

В Древней Греции неопределенные ситуации часто решались совещательным (*deliberation*) методом, предусматривающим публичные дебаты по проблеме. При этом общественному мнению придавалось серьезное значение. Публичные дебаты проводились, основываясь на том, что ни одна из сторон (вне зависимости от социального статуса) не вправе заранее гарантировать себе право на истину, и на том, что все заинтересованные стороны стремятся к разрешению спорного вопроса. Серьезный учет общественного мнения предусматривал необходимость взвешивания всех аргументов и принятие наиболее убедительного. Иначе говоря, речь шла о поиске не компромисса (уступок), а консенсуса, который предусматривал установление очевидности основных доводов при условии прояснения спорных вопросов и проверки предложений аргументацией. Аудитория принимала активное участие в обсуждении, сравнивая убедительность позиций сторон, так что задачей было нахождение баланса, как устраивающего дискуссантов, так и соответствующего укладу полиса, и решение по согласованному мнению принималось большинством голосов. Результат голосования становился принятой *социальной истиной* (не имеющей, как нетрудно понять, отношения к истине объективной).

Способ рассуждения в риторике отличается как от нарративного, так и от диалектического. В отличие от первого, идеи в риторике не даются в виде историй. В отличие от второго, риторика не занимается абстрактными обобщениями. Риторика рассматривает точки зрения и поведение в конкретных случаях, а в качестве доводов использует ценности, мнения и устремления аудитории. Именно опора на человеческий фактор и хронотоп позволяет риторике обрести потенциал убедительности, недостижимый в нарративах и диалектике (см.: [7. С. 16-26]).

Следует отметить, что Аристотель изначально полагал риторикой⁴ дополнением для диалектики. Общее и различное между ними заключается в следующем.

Их общность в том, что они являются универсальными методами и не имеют узкоспецифичной предметной области. Другое дело, что обычно обсуждение осуществляется в рамках той или иной ситуации, предметной области (хотя сам набор предметных областей практически неограничен).

⁴ При этом Аристотель определяет риторикой не как искусство убеждения, а как искусство поиска того, что мы имеем, чтобы осуществить убеждение. Тогда причина возможной неудачи ратора не обязательно проистекает из его собственных ораторских ошибок – могут быть ситуации, где убеждение обреченно на провал, так же, как и врач порой оказывается бессильным помочь пациенту. Помимо этого, представляя собой искусство поиска, риторика, согласно концепции Аристотеля, является телеологической дисциплиной, потому что изучает целевые стратегии и тактики того, что «будет работать» [7. С. 28].

Различие между ними видится в следующем.

(А) Характеристика коммуникантов. Если в диалектике общение осуществляется между профессионалами и с привлечением профессиональных знаний, то в риторике – между неспециалистами.

(Б) Предметная область обсуждения. В диалектике предметная область значительно четче очерчена, аргументы более специализированы, и обсуждение направлено на поиск истины. В риторике же предметная область используется в не-техническом отношении (этого не позволяет отсутствие специальных знаний у общающихся), а обсуждение обычно направлено на поиск действий, изменение ситуации.

(В) Целевой фактор. В диалектике цель диалога специалистов – поиск истины на основе критики, а в риторике цель состоит в убеждении аудитории.

(Г) Степень вероятности выводов. Обе дисциплины функционируют в сфере возможного, где истина недостижима, однако изначальные носители мнений в них разные. В диалектике субъект спрашивает мнение собеседника, и затем оно проверяется путем критического метода вопросов и ответов, так что результаты выводов могут приобретать высокую степень вероятности. В риторике оратор начинает с мнений, которых придерживается аудитория, и использует их в качестве основы для построения аргументов, а результаты выводов – значительно менее вероятные (особенно учитывая изменчивость обсуждаемых ситуаций, например, политики).

Перейдем теперь к характеристике некоторых функциональных признаков риторической ситуации в первом из выделенных в начале статьи аспектов.

Функциональный подход к риторике в теоретическом отношении был обрисован Л. Битцером на основе характеристики признаков риторической ситуации [6].

Для того, чтобы ситуации приобретали релевантность в знаковой деятельности, их физические хронотопные признаки должны трансформироваться в признаки социального пространства и психологического времени. Это осуществляется введением двух характеристик – динамичности (возникновения, развития и угасания) и субъективной ориентации (отношения индивидов к ситуации) [8]. В общем случае ситуации можно представить как значимые комбинации событий, субъектов и объектов.

Риторические ситуации – те, которые требуют коммуникативного реагирования и составляющие которых можно изменить с помощью дискурса. В риторической ситуации мы формируем ожидания уместной реакции субъектов, проявляющих интерес к проблеме: тех, которые рассматривают и оценивают проблему, и тех, кому адресован дискурс. При отсутствии такого дискурса ситуация может стать критической и перестать быть разрешимой, т. е. она не разрешится сама по себе. «Академические риторики 18 в. начинали с отношения между естественными психологическими процессами и коммуникативными намерениями и действиями. Такие и схожие подходы либо не учитывают отношения субъектов и их сообщений к окружающей обстановке (environment), либо расценивают это отношение как вторичное. Ситуационный же подход стремится вскрыть фундаментальные условия риторики – условия прагматической коммуникации – во взаимоотношениях человека и окружающей обстановки» [5. С. 21-22].

Конститутивные элементы риторической ситуации включают мотивацию, аудиторию и условия.

Мотивацию можно определить как несовершенство ситуации, вызывающее необходимость риторического вмешательства. Этот аспект сходен с понятием потребности и оценки, например, в известных ситуациях «проблема – решение» [4. С. 96-97].

Аудитория характеризуется в риторической ситуации адресностью и способностью к реагированию (а не просто включает всех, кто имеет доступ к сообщению): “a rhetorical audience consists only of those persons who are capable of being influenced by discourse and of being mediators of change” [6. С. 8]. Когда люди считают, что не могут изменить проблемную ситуацию, они менее склонны реагировать на сообщения, и при принятии функционального подхода Л. Битцера их следует исключить из аудитории. Мы же полагаем, что здесь более целесообразно применить критерий потенциальности и на его основе различать функционально активную и функционально пассивную аудитории. Иными словами, целевая аудитория может ранжироваться по степени активности.

Условия включают как ограничения, так и возможности, присутствующие в ситуации. Условия общения могут быть разнообразными, но в целом разделяются они на две большие группы. К физическим относятся время суток, помещение, погоднотемпературные условия и т. д. К социальнопсихологическим принадлежат: (а) характерологические характеристики субъектов общения, например, их когнитивный стиль, взятый в линейной трактовке (с плюсовым и минусовым полюсами); (б) их социокультурные характеристики, например, однородность или разнородность; (в) социальное

положение общающихся; (г) уровень знаний и владения языком общения; (д) межличностные отношения людей, составляющих аудиторию, друг к другу или их представления друг о друге; (е) (вертикальные) взаимоотношения аудитории и ратора или ее (этические) представления о нем; (ж) события, предшествующие или сопутствующие риторической ситуации и оказывающие влияние на эмоциональный (пафосный) настрой и потенциальную активность аудитории; (з) этические правила поведения ратора, приемлемые с точки зрения аудитории; (и) этические ценности, знания, нормы и принципы, которых придерживаются ратор и аудитория, и т. д.

Риторические ситуации не существуют вечно, они имеют свою цикличность – возникают, обретают зрелость, угасают и разрушаются [5; 6].

Возникновение риторической ситуации происходит при наличии проблемной ситуации, однако соответствующие аудитория и условия еще не сформированы. Например, люди могут не знать о существовании проблемы, и задача ратора – обратить внимание аудитории на наличие несовершенств; в этом смысле риторичность ситуации и определение ее участников задается ратором. При этом, не всякая ситуация становится риторической – ратор может ее неверно идентифицировать в качестве таковой, аудитория может не проявить к ней интереса, ратор может вообще выбрать неверную аудиторию.

Зрелость риторической ситуации характеризуется осознанием проблемы со стороны аудитории, восприимчивостью к дискурсу и готовностью к изменению ситуации. Адекватные меры, предпринятые ратором на этой стадии могут привести ситуацию к разрешению, которое выражается в принятии решения и программы действий. В этом случае риторическая ситуация естественным образом «сходит со сцены». Однако в случае неудачных действий ратора на этом этапе риторическая ситуация может перейти в следующую стадию.

Угасание ситуации характеризуется усложнением ее решения – внимание или интересы аудитории могут переключиться на иные потребности, ее восприимчивость к новому мнению (высказываемому ратором) может уменьшиться, т. е. ситуация теряет свою риторичность. Разрушение риторической ситуации определяется тем, что несовершенство ситуации более не ощущается как исправимое в целом или с помощью дискурса. Не существует более аудитории, на которую можно воздействовать и которая может действовать – время для этого упущено. Ораторская деятельность на этой стадии не приводит ни к каким действенным результатам.

Риторические действия также оцениваются с точки зрения их пригодности для риторической ситуации (*fitting response* – [7. С. 40]). Подходящий ответ потенциально уместен в конкретной риторической ситуации, хотя не всегда становится успешным.

Можно выделить 4 возможности оценки пригодности риторического действия для риторической ситуации: (1) аудитория проявляет заинтересованность и способна к изменению ситуации; (2) аудитория не проявляет заинтересованности, но способна к изменению ситуации; (3) аудитория проявляет заинтересованность, но неспособна к изменению ситуации; (4) аудитория не проявляет заинтересованности и не способна к изменению ситуации.

Риторические действия для (1) будут пригодными полностью; для (2) они пригодны если оратору удастся пробудить интерес аудитории к проблеме; для (3) они пригодны, если аудитория сосредоточится на потенциальной необходимости изменений в будущем, когда исчезнут препятствия; для (4) они бесплодны и, следовательно, непригодны. Вообще, чтобы речевое действие было пригодным, оно должно осуществляться с учетом ценностей, этических и индивидуальных предпочтений как ратора, так и аудитории.

Оценивая функциональный подход к риторической ситуации, следует остановиться на методологической проблеме, которая связана с наличием у него детерминистского основания. Оно предусматривает, что дискурс возникает в результате существования ситуации и обусловлен ситуацией настолько, что некоторые (возможно, существенные) ее факторы неподконтрольны ратору. Тем самым риторичность ситуации разрушается. Такое понимание основано на статическом подходе – согласно ему, ситуация перестает быть риторической всякий раз, когда необходимо остановить ее протекание для проведения анализа управляемости ратором конкретных ее элементов. Однако, как указывает Г. Хозер, в реальной практике риторические ситуации воспринимаются в реальной динамике их протекания. Эта динамика характеризуется постоянными поправками, которые вносятся пригодными речевыми действиями относительно степени проблематичности ситуации, аудитории и условий. Помимо этого, развитие риторической ситуации определяется действиями ратора и результатами его взаимодействия с аудиторией [7. С. 42]. В более привычной для нас терминологии можно охарактеризовать риторические ситуации как имеющие стратегический характер.

Представляется, что приписывание функциональному подходу к риторическим ситуациям детерминистских характеристик обусловлено натурализмом с его акцентированием объективных факторов общения; в нем не учитывается то, что семиотическая деятельность ратора обусловлена не только объективными условиями, но и субъективна, является целенаправленной и ориентированной на возникновение определенных представлений у реципиентов; а эти представления отвечают за придание разной степени значимости разным элементам ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров В.А. Аристотель и традиционная логика: Анализ силлогистических теорий. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 133 с.
2. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. М.: Ин-т психологии РАН, 1994. 222 с.
3. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: дис. ... докт. филол. наук. Калуга: Калужск. гос. пед. ун-т, 1999. 251 с.
4. Неустроева С.Е., Васильев Л.Г., Васильева М.Л. К оцениванию сущностных характеристик дебатов // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2018. Т. 28, вып. 3. С. 455-461.
5. Bitzer L. Functional Communication: A Situational Perspective // Rhetoric in Transition / Ed. by E.E. White. – University Park: Pennsylvania State University Press, 1981. P. 21-38
6. Bitzer L. The Rhetorical Situation // Philosophy and Rhetoric. 1968. No. 1. P. 1-12.
7. Hauser G. Introduction to Rhetorical Theory. New York: Harper and Row, 1986. 209 p.
8. McHugh P. Defining the Situation. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1968. P. 23-32.
9. Vassiliev (Vasilyev) L.G. Rational comprehension of arguments in theoretical texts: A program for an argumentative-linguistic approach // Argumentation: An International Journal on Reasoning. 2003. Vol. 17. No. 1. P. 21-34.

Поступила в редакцию 22.10.2018

Сухарева Ольга Эдуардовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной профессиональной коммуникации естественнонаучных направлений ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ТюмГУ)
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6
E-mail: o_suhareva@inbox.ru

Васильев Лев Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков
E-mail: vasilevlg@tksu.ru

Васильева Мария Львовна, магистрант кафедры лингвистики и иностранных языков
E-mail: vml@mail.ru
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
248023, Россия, г. Калуга, ул. С. Разина, 26

O.E. Sukhareva, L.G. Vasilyev, M.L. Vasilyeva

THE RHETORICAL ASPECT OF A SPEECH COMMUNICATION SITUATION

Situations of speech communication can be studied in a variety of approaches; one of the most adequate one appears to be an approach analyzing the essence of a rhetorical situation. A rhetorical situation is characterized from multidisciplinary angle that takes into account communication studies, narratology, argumentology, and sociolinguistics. Rhetorical discourse is viewed in bitzerian tradition and is seen as opposed to logical, dialectical, and narrative discourses. The rhetorical approach can help to overcome the actional imperfectness of the dialectical one. A number of constitutive parameters of a rhetorical situation are also discussed.

Keywords: argument, audience, dialectic, discourse, narrativity, speech communication, rhetorical situation, mode of reasoning.

REFERENCES

1. Bocharov V.A. Aristotel I traditsionnaya logica: analiz sillogisticheskikh teorij [Aristotle and traditional logic: the analysis of syllogistic theories]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta [Moscow University Publishing House], 1984. 133 p. (In Russian)
2. Vasilyev L.G. Argumentativnyje aspekty ponimaniya [Argumentative aspects of comprehension]. Moscow: Institut psikhologii RAN [Institute for Psychology of the Russian Academy of Sciences], 1994. 222 p. (In Russian)

3. Vasilyev L.G. Linguisticheskiye aspekty ponimaniya: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk [Linguistic aspects of comprehension: Doctoral dissertation]. Kaluga: Kaluga GPU [Kaluga State Pedagogical University] 1999. 251 p. (In Russian).
4. Neustroyeva, S.E., Vasilyev, L.G., Vasilyeva M.L. K ozenivaniju sushchnostnykh kharakteristik debatov [On estimation of essential characteristics of debates] // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Udmurt University Newsletter]. 2018. Vol 28. No. 3. P. 455-461. (In Russian)
5. Bitzer L. Functional Communication: A Situational Perspective // Rhetoric in Transition / Ed. by E.E. White. University Park: Pennsylvania State University Press, 1981. P. 21-38. (In English)
6. Bitzer L. The Rhetorical Situation // Philosophy and Rhetoric. 1968. No. 1. P. 1-12. (In English)
7. Hauser G. Introduction to Rhetorical Theory. New York: Harper and Row, 1986. 209 p. (In English)
8. McHugh P. Defining the Situation. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1968. P. 23-32. (In English)
9. Vassiliev (Vasilyev) L.G. Rational Comprehension of Arguments in Theoretical Texts: A Program for an Argumentative-Linguistic Approach // Argumentation: An International Journal on Reasoning. 2003. Vol.17. No.1. P. 21-34. (In English).

Received 22.10.2018

Sukhareva O.E., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Foreign Languages and Intercultural Professional Communication for Sciences
Tyumen State University (TSU)
6 Volodarskogo st., Tyumen, Russia, 625003
E-mail: o_suhareva@inbox.ru

Vasilyev L.G., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Foreign Languages
E-mail: vasilyevlg@tksu.kaluga.ru
Vasilyeva M.L., Graduate student at the Department of Linguistics and Foreign Languages
E-mail: vml@mail.ru
Tsiolkovsky Kaluga State University (TKSU)
26 Razina st., Kaluga, Russia, 248023